

пациентам. Деятельность этих врачей почти не нашла отражения в античных источниках, а то немногое, что удается узнать о них, извлекается из кратких попутных упоминаний древних авторов. Наиболее богатым такими упоминаниями для республиканского периода существования Рима оказалось литературное наследие Цицерона.

Примечания

¹ Выразительную картину рисует Марциал, изображая врача Симмаха со многими учениками у постели своего пациента: ученики не просто наблюдают за действиями учителя, но под его присмотром делают первые шаги непосредственного осмотра и лечения больного (Mart., V, 9).

² В древности не было аптек, и лекарства приготавливались либо самими врачами, либо приобретались у таких торговцев всевозможными снадобьями, какими был Люций Клодий. Эти *pharmacopolea* так прославились разными махинациями, что само их название стало синонимом слова «шарлатан».

³ Напомним, что первый профессиональный греческий врач — хирург Архагат — прибыл в Рим в 219 г. до н. э. (Plin., N. H., XXIX, 12). Вскоре он был изгнан из города, и после этого долгое время греческие врачи не появлялись в Италии (Plin., N. H., XXIX, 16). Крайне отрицательно относился к профессиональному врачам Катон Старший. Его проклятия в адрес греческих врачей приведены в «Естественной истории» Плиния (Plin., N. H., XXIX, 14).

⁴ Наход И. М. Цицерон и греческая культура. — В кн.: Цицерон. М., 1959, с. 74.

⁵ Об этом свидетельствуют высказывания знаменитых ораторов Красса и Антония (Cic., De og., II, 4).

⁶ См. об этом: Oksala P. Die griechischen Lehnwörter in den Prosa-schriften Cicero's. Helsinki, 1953.

⁷ Ср.: Fin., I, 42; Div., I, 112; II, 13, 16, 23, 145; Rep., I, 62; V, 5. Такие сравнения широко использовались греческими писателями и оттуда перешли в римскую литературу.

⁸ В 46 г. до н. э., удаляя из Рима в колонии 80 тыс. чужеземцев, Цезарь сделал исключение для врачей и учителей. При этом он даже даровал им римское гражданство и поощрял прибытие новых специалистов (Suet., Caes., 42). В том же направлении развивал свою политику в отношении врачей и Август (Suet., Aug., 42).

Н. И. СТЕПАНОВ

МАКЕДОНИЗМЫ В ТЕКСТАХ НОВОАТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

О фактическом состоянии древнемакедонского языка, синхронного эпохе эллинизма, современная наука располагает данными очень скучными и во многом неясными. Мы имеем дело со случайными примерами слов, собранными греческими лексикографами (Америем, Гесихием и др.), с редкими словами, которые по каким-либо причинам отмечались и приводились на-

ряду с диалектными греческими или иноязычными словами. Возможность открытия какого-нибудь связного древнемакедонского текста маловероятна. Вопрос о характере этого языка в наши дни нельзя считать окончательно и убедительно решенным. Более того, казалось бы, можно согласиться с мнением А. Мейе,¹ утверждавшего, что было бы бесполезно обсуждать такой вопрос, который при состоянии современных данных не может быть разрешен и который, однако, разрешился бы сразу, если бы случай доставил нам хотя бы десятистрочный текст, содержащий связное предложение.

В специальных работах, посвященных изучению древнемакедонских языковых материалов, как правило, содержится обобщение этимологического обследования македонских гlosс. Кроме уже безнадежно устаревшей книги Ф. В. Штурца «О диалекте македонском и Александрийском»² следует отметить работу О. Гофмана «Македонцы, их язык и их народность»,³ монографию профессора Афинского университета Ж. Каллериса «Древние македонцы. Исследование лингвистическое и историческое»⁴ и кандидатскую диссертацию Ч. Погирка «Отношение древнемакедонского языка к древнегреческому».⁵ В указанных трудах предприняты попытки дать общее определение синхронного состояния древнемакедонского языка и обозначить его отношение к древнегреческим диалектам и к диалектам и языкам народов на Балканах того времени.

Не отказываясь от возможности изучать античный македонский языковый материал, как на том настаивал А. Мейе, но и не предрешая многих кардинальных заключений на основе скучных источников, как то имеет место в вышеприведенных исследованиях, вероятно, следует вновь и вновь обращаться к античным текстам, сохраняющим те или иные единицы из лексикона греков, о которых мы прямо или косвенно можем предполагать, что это слова македонского узуса. Результаты, полученные методом этимологического прочтения гlosс, приводимых у Гесихия, Афинея, Фриниха и Поллукса, возможно пополнить путем сопоставительного прочтения античных авторских текстов, содержащих словарные единицы, называемые условно по их употребительности «македонскими» или даже «македонизмами». Такие наблюдения над словарем текстов новоаттической комедии и предлагаются в настоящей статье.

I. Ήθει, Μέγανδρος, συστήρατ τὸν ποσεύτων διορθώτου αἰσχύνει τὴν πάτριον φωνήν (Phr. ecl., § 400, p. 497). С этим упреком антиклика порою приходится считаться в практике издания текстов Менандра. Примером тому является коллажия каирской рукописи папируса со стихами пьесы «Отрезанная коса» в изданиях, которые выполнили ван Лесвен в 1908 г., З. Зюдхаус в 1909 г., А. Кёрте в 1911—1912 гг. вскоре после опубликования каирского папируса Менандра Г. Лефевром в 1905 г., в сравнении с вариантами прочтения того же текста в рецензии Хр.

Енсена в 1929 г. и в издании Кёрте—Тирфельдера в 1957 г., после того как уже была учтена сравнительно большая текстологическая литература к этому произведению Менандра.

Среди загадок плохо сохранившегося в рукописи текста пьесы «Отрезанная коса» многочисленные *lectiones difficiles* встречаются в стихах 164—216, в так называемой сцене ссоры. В свое время Б. В. Варнеке⁶ отметил по этому поводу: «Следующие тридцать строк так испорчены, что перевод, даже наощупь, невозможен». Читателю сегодня⁷ эта сцена представляется в стихах диалога двух персонажей, реплики которых объединены темой, казалось бы, ясно заданной ситуации взаимных упреков и угроз из-за похищения Гликеры. Но вряд ли можно быть уверенным в том, что здесь нами прочитаны *ipsa verba* Менандри. Остается еще многое спорным и неясным и в характеристике действующих в этой сцене персонажей, и в их количестве, т. е. в членении реплик диалога, и в прочтении многих слов диалога.

Особенно спорными в критике текста оказались попытки восстановить содержание стихов 204—206 в интересующей нас сцене. Воспроизведем варианты чтения этих строф в хронологическом порядке изданий текста для того, чтобы оценить вероятность решения текстологической задачи в последней по времени рецензии А. Кёрте: 1) Каирская рукопись в издании Г. Лефевра: *παλινούντες.. χου.. οφε.. οιλύφομαι|σαρχάλλ*; 2) стих 206 в издании ван Леевена⁸: (*Πολ*) *παλιν | οικοῦντες.. χου.. οιλύφομαι | σαρκ'*. (*Δχ*) *ἀλλ' ἀπαγ' ἐς κόραχας...*; 3) то же место в интерпретации З. Зюдхайуса⁹: (*Σ*) *πόλιν | οικοῦντες ωχου καὶ | ιορέ|γηρυ|σου λύφομαι | σάρκ'* (*Δχ*) *ἀλλ' ἀπαγ' ἐς κόραχας...*; 4) те же строки в истолковании К. Фр. Шмидтом¹⁰:

(Δ) *ἐπαιζον, σκατοφάγος (τις) εῖ. (Σ) πόλιν
οικοῦντος ωχοῦ, καθά με <δεῖ>, σοῦ λύφομαι
σάρκ'. (Δ) ἀλλ' ἀπαγ' ἐς κόραχας...*

В дальнейшем, однако, потребовалась конъектура в начале стиха 206, отказ от рукописного варианта чтения *σαρχά*, предложение читать эти литеры как слово *σάρισσαν*.¹¹ В издании же К. Кёрте-А. Тирфельдера стихи данной сцены приведены в общепринятое теперь варианте чтения в таком виде: (*Σω*) *πόλιν | οικοῦντες. (Δχ) ἀλλ' οὐκ ἔχομεν]*. (*Σω*) *[α]β[θ]οῖ, λύφομαι | σάρισσαν. (Δχ)* *ἀπαγ' ἐς κόραχας...*

Так, в индекс слов к пьесам Менандра введена еще одна единица из разряда *ἄπαξ λεγόμενον* — македонского толка слово *σάρισσα*.

Косвенное доказательство правомерности чтения этого слова у Менандра может дать сравнение контекстов сцены в стихах 164—216 из «Отрезанной косы» с «Девятым диалогом гетер» Лукиана.¹² Можно было бы и согласиться с мнением Б. В. Варнеке¹³ о том, что единственная связь между комедией Менандра и «Диалогом» Лукиана — только имя Полемона,

остальное — случайное совпадение, если при этом игнорировать такие текстовые совпадения, как соотношение действующих лиц: Полемон и его сотоварищ Сосия — в противоположность слуге Даву в пьесе «Отрезанная коса»; Полемон и его подчиненный Парменом — в противоположность Филострату в «Диалоге» Лукиана; Полемон, определяемый как *μισθοφόρος, τετράρχαρχος*, и Сосия — этот *ξένος, τετράρχος*, по пьесе Менандра, и Полемон из «Диалога» Лукиана, награждаемый бранными прозвищами *μισθοφόρος, διμοιρίτης*. Тем более неожиданным при таком внешнем совпадении сопоставляемых контекстов окажется различение в словах, заключающих реплики спора: *λύφομαι σαρχά* и *ἐπειδὴν πρασίντας ἡμᾶς ἐπί δόρι Θεάσῃ*. Включение же самого слова *σάρισσα* ‘македонского образца копье’¹⁴ не будет актом, не приемлемым для лексикона новоаттической комедии, и в частности для словаря пьес Менандра. Напротив, оно лишь пополнит количество слов македонского узуса в наших текстах. Среди них хорошо засвидетельствованы многие. Например, *ἀρρτή· ξιφιστήρ* ‘перевязь или ножны’ (ὑπὸ Μαχεδόνων, по Гесихию). Это слово мы читаем по фрагменту Менандра (CAF, III, 2, 96, 331). *'Αρταί. (τὸ) ὄγγος δερμάτινον ἴματιν* ‘кожаный выюк в армейском багаже’, как следует из перечня вещей по фрагменту из пьесы Посидиппа (CAF, III, 2, 338, 10). Слово *καυσία*, о котором Поллукс замечает: *πῦλος Μαχεδονικός παρά Μενάνδρῳ* (CAF, III, 2, 96, 331), а также *σκοῖδος ταμίας τις καὶ διοικητής, Μαχεδονικὸν δὲ τοῦνομα* (CAF III, 2, 81, 289).

II. Степень освоенности определенных иноязычных элементов словаря, взаимоотношение иноязычных новаций с исконными лексическими единицами определяется таким приемом включения нового слова в речевой обиход, как устойчивое дополнительное указание говорящим на место экспорта, место производства, место первоначального бытования вещи, а следовательно, и слова. Такой способ маркировки слова, обозначающего своеобразную вещь, новую или уже привычную для упоминающего о ней или называющего ее, широко представлен в текстах фрагментов новой комедии. Одним из примеров этого явления в речи может быть контекст фрагмента из пьесы Филемона «Сицилиец» (FAC, III, A, 36—38). Характерно, что наряду с исконными греческими наименованиями: *λέβης ἐξ Ἀργούς, οἶνος Φλιάσιος, στρώματα ἐκ Κορίνθου, ἵθης Σικελίας, ἐγχέλεις Βοιωτίας* (CAF, II, 115, 236), точно также маркируются и многие иноязычные наименования: *πέπιρι Λιβυκόν* (CAF, II, 294, 3), *κάνδ(α)ῳλος Λυδικός* (CAF, II, 361, 172), *καυλὸς Λίβυς* (CAF, II, 106, 217), *μύρον ἐκ τῆς Συρίας* (CAF, II, 97, 202).

В этом отношении единственным в своем роде для наших текстов оказывается случай маркировки так называемого македонского слова пометой «что—откуда» для зрителей театра в Александрии. Афиней (14, 664 а—в), отметив, что Махон(т) из Сикионаставил пьесы не в Афинах, а в Александрии, цитирует

из его комедии «Неведение» (CAF, III, 2, 324, 1=FAC, III, A, 228):

ἵδιον οὐδέν ἔστι μοι τῆς ραττίης.
τοῦτ' εἴτε πρῶτοι Μακεδόνες τοῖς Ἀττικοῖς
κατέδειξαν ἡμῖν, εἴτε πάντες οἱ θεοί,
οὐκ οἶδα ...

III. Свойственный манере авторов новоаттической комедии прием повествования *χωρφδεῖν* ως ξενικού ὄνου, *ἐπισκώπτειν* τὸ ὄνον ως βάρθαρον по технике исполнения часто выражен ситуацией перевода. Он представляет собою акт сближения или сопоставления двух подобных или близкозначных слов из разных языков, когда объектом перевода становится «варваризм». Если же сопоставляются слова из иных относительно аттического греческих диалектов, подобным объектом в ситуации перевода оказывается ксеноним. Реплики-переспосы «непонятного» слова у собеседника, «толкование» слова или понятия, выраженного ксенонимом или варваризмом, слушающему — все это эффектно оживляет комедийные диалоги стилистически. В то же время ситуация перевода как прием рассказа в комедиях, видимо, действительно отражает имевшую место в разговорной речи адаптацию диалектных греческих или иноязычных лексем.

Афиней (Ath., I, 34d) о разграничении слов *ἱ κράμβη* *ῥάφανον* говорит: *ὅτι δέ τὴν κράμβην ῥάφανον ἐκάλουν οἱ παλαιοί*, *'Αποιλόδωρος δῆλοι* ὁ Καρύστιος и цитирует строфы из неизвестной нам пьесы этого автора: *εἰ δ' ὅτι καλοῦμεν ῥάφανον* *ὑμεῖς οἱ ξένοι | κράμβην, γυναιξὶ διαφέρειν οἴειςσύτι*. Вполне вероятно, что это пример частичного замещения исконного диалектного слова (*οἱ παλαιοὶ ἐκάλουν*) byым ксенонимом, замещения, которое полностью произошло лишь по норме словаря в поздней греческой койне.

Среди многих примеров адаптации иноязычных слов, засвидетельствованных нашими текстами в случаях использования авторами приема *χωρφδεῖν* τὸ ὄνον ως βάρθαρον, примечательно слово *νάρβα* из контекста пьесы Филемона «Прелюбодей» (FAC, III, A, 22).

Любопытный пример, когда иноязычное слово через прием *χωρφδεῖν* τὸ ὄνον ως βάρθαρον становится объектом перевода, мы находим в стихах фрагмента из пьесы Дифила «Тифравст» (FAC, III A, 138).

(A) πρίστις, τρχγέλαφος, βατιάκη, Λαζρώνιος.
(B) ἀνδραπόδιον δή τοῦθ, ὄρδες; (A) ἥκιτάχε·
ἐκπωμάτων δ' ὀνόματα. (B) πρὸς τῆς Ἐστίας;
(Λ) ὁ Λαζρώνιος χριστὸν δέ, πτιδες, εἰκοσι ...

Наконец, в подобной же ситуации перевода звучит персидское (по чтению Поллукса) слово, значение которого говоря-

щий поясняет, сопоставляя с близкозначным из греческого, в контексте фрагмента по пьесе Дифила «Истец» (FAC, III, A, 114); (A) ὁ δέ κανδύταλις | οὗτος τί δύναται, καὶ τί ἔστιν; (B) ὥσπερξει | εἰποῖς ἀρτάς... Сам предмет, которым интересуется собеседник А, Поллукс (Pol., 10, 137) определяет следующим образом: ώμοιώται δέ τῷ κιβωτίῳ παραπλήσιόν τι σκένος κανδύταλις, ἐμοὶ μὲν οὖν δοκεῖ τὸ σκενότ Περσικὸν ἀπὸ τοῦ κάνδυος κληθμέν, εἰς γρῆτιν δ' αὐτὸν ἥγαγον Μακεδόνες 'некая вещь, почти похожая на сундучок (*κιβώτιον*), мне именно думается, вещь персидская, названа от *κάνδυος*, в обиход же ее ввели македонцы'.

Персидское же слово *κανδύταλις* в рассмотренном диалогическом единстве вопросно-ответной реплики сопоставляется, т. е. переводится в план греческого через слово *ἀρταῖ* в значении 'перметная сумка, вьюк, предмет для хранения армейского багажа'. Таким образом, *ὄνον ως βάρθαρον* сопоставляется в данном случае (*ὥσπερξειςεῖπος*) с общепонятным говорящему по-гречески ксенонимом из македонского (*ἀρταῖ*). Пример этот может быть приведен в подтверждение вероятности предположения о том, что «многие греки считали македонский язык греческим диалектом с архаическим характером, хотя прямых утверждений об отношении к греческому македонского языка у античных авторов не встречается».¹⁵

Таковы в кратком изложении те немногие языковые факты, свидетельствующие о восприятии слов македонского узуса людьми, говорившими на аттическом диалекте древнегреческого языка, наблюдаемые при внимательном чтении текстов новоаттической комедии (у Менандра и современных ему авторов). Определения же функций предполагаемых «македонизмов» в авторских греческих текстах дополняет их характеристики, полученные при этимологическом обследовании подобных словарных единиц.

Список сокращений

- Ath. — Atheneus. Deipnosophistarum libri XV. Ed. G. Kaibel. Leipzig, 1890.
CAF — Comicorum Atticorum fragmenta. Ed. Th. Kock. Vol. II, pars 1. Lipsiae, 1884; vol. III, pars 2. Lipsiae, 1888.
FAC — The fragments of attic comedy... Ed. by Edmonds J. M. Vol. III A. Leiden, 1959; vol. III B. Leiden, 1961.
Hes. — Hesychii Alexandrini lexicon. Rec. M. Schmidt. Vol. I—V. Jenae, 1858—1868.
Phr. ec. — The new Phrynicus being a revised text of the ecloga of the grammarian Phrynicus with introd. and commentary by W. G. Rutherford. London, 1881.
Pol. — Pollux Julius. Onomasticon. Ed. E. Bethe. Fasc. 1. Lipsiae, 1900; fasc. 2. Lipsiae, 1931.

П р и м е ч а н и я

- ¹ Meillet A. *Aperçu d'une histoire de la langue grecque*. Paris, 1928, p. 58.
- ² Sturzius F. W. *De dialecto Macedonica et Alexandrina liber*. Lipsiae, 1808.
- ³ Hoffmann O. *Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum*. Göttingen, 1906.
- ⁴ Kalleris J. N. *Les anciens Macédoniens. Étude linguistique et historique*, t. I. Athènes, 1954.
- ⁵ Погирк Ч. Отношение древнемакедонского языка к древнегреческому. Канд. дис. Л., 1958 (Научная библиотека им. М. Горького).
- ⁶ Варнеке Б. В. Новые комедии Менандра. Казань, 1909, с. 50.
- ⁷ Текст цитируется по изданию А. Кёрте — А. Тирфельдера: *Menandri quae supersunt, pars prior*. Ed. A. Koerte, add. A. Thierfelder. Lipsiae, 1957, p. 56—57, ver. 197—207.
- ⁸ Menandri quattuor fabularum fragmenta. Ed. J. van Leeuwen. Lugduni Batavorum, 1908, p. 60—61.
- ⁹ Sudhaus S. *Der Kampf um die Perikeiromene. — "Rheinisches Museum für Philologie"*. Frankfurt am Main, 1906, Neue Folge, Bd. 46, H. 3, S. 417.
- ¹⁰ Schmidt K. Fr. Menanders Perikeiromène. — "Hermes", 1909, Bd. 44, H. 3, S. 423.
- ¹¹ Williamowitz-Moellendorff U. von. *Der Menander von Kairo. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum*, Bd. 21—22, H. 1. Leipzig, 1908, S. 34—62.
- ¹² Lucianus Samosatensis Opera ex rec. C. Jacobitz. Vol. III, pars 2: dialogi meretricii eqs. Lipsiae, 1891, p. 254—255.
- ¹³ Варнеке Б. В. Новые комедии Менандра, с. 61.
- ¹⁴ Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1967, Lief. 18, S. 678 ff.
- ¹⁵ Погирк Ч. Отношение древнемакедонского языка к древнегреческому, с. 73.

Е. И. ЧЕКАЛОВА

К ПРОБЛЕМЕ СТИХОТВОРНОЙ ФОРМЫ ПОЭМЫ ЛУКРЕЦИЯ «О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ»

Среди многочисленных проблем в лукрециане особое внимание привлекает проблема стихотворной формы, связанная со стремлением выяснить, как столь убежденный последователь Эпикура, каким является Лукреций, мог избрать поэтическую форму для распространения философской доктрины своего учителя.¹ Ведь Эпикур считал занятие поэзией недостойным мудреца (*Diog. Laert.* X, 121), а Лукреций, излагая учение греческого философа, пользуется именно стихотворной формой. В исследованиях приводится целый ряд почерпнутых из самой поэмы соображений, дающих возможность судить об отношении Лукреция к поэзии. Это и высокая оценка поэтического наследия Гомера, Энния, Эмпедокла, и указание на стремление самого Лукреция к поэтической славе, и демонстрация отрывков